

СВЕТЛАНА РОССЕТ.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ТАНЦУЕТ СВЕТЛАНА РОССЕТ

ПОВТОРИТЬ! Наталья Владимировна неумолима. Да, повторить — еще и еще. В десятый и двадцатый раз, если будет нужно. Аккомпаниатор обреченно вздыхает, вытирает платком лоб и близорукосклоняется над нотами. И снова вокруг уставшего Леля кружит девичий хор, и опять Снегурочка незаметно для себя включается в их танец, не в силах расстаться с небедомыми ей ранее пьянящими, волнующими ощущениями, которые вдруг нахлынули на нее.

Светлана знает, что от верного тона этой сцены зависит многое. Снегурочка впервые видит людей, Леля, совсем новую для себя жизнь. Она и оттаять-то еще как следует не успела, она наполовину еще в молчаливом и холодном царстве зимнего сна. Но как интересны, как привлекательны, как манят к себе эти загадочные люди! Пробуждающаяся снежная девушка... Светлана Россет предстоит передать в танце трепетное чувство Снегурочки в те мгновенья, когда она, бессознательно повинувшись тревожному и властному желанию, делает свой первый неуверенный шаг в солнечный, горячий, беспокойный мир человеческого страстей. Отсюда начинается развитие характера Снегурочки, в этой сцене — ключ к образу.

Репетиция продолжается. Светлане Россет, наконец, удается то, к чему стремилась она сама и чего хотелось балетмейстеру Н. В. Даниловой. Неудовимое движение плечами во время танца, доверчивый и трогательный поворот головы, зачарованный и в то же время робкий взгляд... И балетмейстер, и сама Светлана, и участвующие в репетиции артисты сразу понимают: найдено главное. Да, теперь это Снегурочка, юная, взволнованная. Разумеется, зрители не станут вникать в секрет светланиного «чуть-чуть», они его просто почувствуют. Но, быть может, как раз в этот миг в их сердцах шевельнется симпатия к черноглазой Снегурочке, так искренне радующейся открытию мира.

ВЕЧЕРОМ, после репетиции, Светлана еще раз перелистала альбом репродукций с картин Нестерова. Подолгу вглядывалась в его ранние произведения. Древняя Русь, подернутая серебристой дымкой легенд и сказаний... У Васнецова есть картина «Снегурочка»: хорошенькая сказочная девушка в богатом наряде идет по мрачному зимнему лесу. Но воображение Светланы рисует иной образ, в духе прозрачных нестеровских пейзажей. «Стережет голубую Русь старей клен на одной ноге»... В этом поэтическом мире живет ее Снегурочка.

Светлана Россет хорошо знает, как важно артисту почувствовать свою роль «изнутри». Раньше ей это было известно с чужих слов — она читала книги выдающихся мастеров сцены и охотно верила им. Но только придя в театр, она на себе ощутила, что это значит — вживаться в образ. Особенно ярко и остро почувствовала это Светлана в первые годы работы в театре, во время постановки «Египетских ночей». Она танцевала Веренику, главную партию в балете, но числилась лишь в третьем составе, репетировали с ней мало.

Постановка не клеилась: трудно было уловить чистоегипетское, неповторимое своеобразие движений, танцев и поз. Светлана с головой окунулась в мудрый мир древне-египетского искусства — изучала альбомы с фотографиями скульптур и рисунков, читала книги о Египте, его людях, истории. И — репетировала, проговаривала, искала. Потом вдруг наступило озарение: все стало ясным и удивительно простым, партия ожила и зазвучала. С тех пор прошло несколько лет, однако и сегодня Н. В. Данилова считает, что Вереника — одно из лучших достижений Светланы Россет.

Другими этапами в ее артистической деятельности были образы Баядерки, Жизели, Лауренсии, Читры, Хозяйки медной горы, Одетты-Одиллии. Однако прежде чем говорить о сценической деятельности солистки балета С. Д. Россет, несколько слов скажем о ее биографии в общепринятом, житейском смысле слова. Вот она: училась в школе, занималась в балетном кружке Дворца культуры им. Горького в Ленинграде, потом — хореографическое училище имени Вагановой, занятия у прославленной советской балерины Аллы Шелест. Затем, в 1956 году — Куйбышев, театр оперы и балета. Вот и все. Полстранички в личном деле. Восемь лет танцует Светлана на куйбышевской сцене, но о них можно сказать совсем кратко: сегодня репертуар Светланы Россет насчитывает пятнадцать ведущих партий известнейших балетов.

СВЕТЛАНА Россет не мыслит себя вне балета. О ней нельзя сказать, что она «любит искусство» или «увлечена своей профессией». Она — вся в искусстве, она одержима им. Когда Россет танцует на сцене, реальный мир перестает для нее существовать. Когда Россет готовит новую партию, она становится необычайно чувствительной ко всему, что способно хотя бы в ничтожной степени помочь ей проникнуть в сокровенное естество образа. И тогда у Рублевского «Спаса» она может увидеть глаза Хозяйки медной горы, в линиях глиняных сосудов — разглядеть дыхание старины, а в музыкальной фразе уловить целую гамму чувств.

Иногда это даже мешает. Иногда она чересчур усложняет свою задачу, преувеличивает значение мелочей, излишне фантазирует, давая волю разыгравшемуся воображению. В таких случаях о ней говорят: «Светлана мудрит». Возможно, бывает и так — и «чересчур» и «излишне». Но такова уж Россет. Она не может работать вполсилы: ее интеллект, ее чувства, ее воля безраздельно поглощены работой над образом.

Мучительно трудно работала Светлана над партией Читры. Индийский балет далек от европейской хореографической классики. Танцевать Читру «по-русски» Светлана не хотела — приходилось «ломать себя», переучиваться, искать истинный индийский стиль танца. Но «Читра» —

это не только экзотика, это еще и волнующая поэма о красоте, первой любви. На сцене нельзя раздумывать о том, правильно ли танцуешь, на сцене надо жить, радоваться и страдать. Одной старательной стилизации не хватит, чтобы Читра-Россет стала Читрой, угловатой девчонкой, превращающейся в нежную, страстно любящую и глубоко страдающую женщину.

Нелегко было добиться верного решения столь сложной задачи. Но уже в первом акте, в великолепно поставленном Н. В. Даниловой хореографическом диалоге Читры и Арджуна, зрители почувствовали подлинно индийский колорит балета. А оригинальнейшие вариации осерьезной Читры и, наконец, трагическое второе адажио во втором акте вызвали в зале волну аплодисментов. История юной индийской девушки тронула, захватила людей, и их волнение было красноречивым свидетельством того, что Россет сумела добиться поставленной цели: ее Читра жила на сцене.

ОДНАКО было бы не совсем правильно, если бы мы, рассказывая о творчестве С. Россет, акцентировали внимание на ее участии в экзотических, оригинальных балетах. В репертуаре артистки гораздо более важное место занимают произведения классической хореографии. Все-таки не в «Читре», а в «Лебедином озере», «Баядерке», «Спящей красавице». «Жизель» — талант балерины свой главный экзамен. Они, эти «столпы» балета являются для артистки критериями, которыми оцениваются ее мастерство и зрелость.

Балет «Баядерка» — хореографически очень и очень сложный балет. От артистки, исполнительницы партии Баядерки — жрицы Ники, он требует исполнения настоящего казюка технических трудностей. Знаменитый «Танец со змеями» Петипа — это образец виртуозного хореографического драматизма, фантастический «Танец теней», сложнейшие вариации третьего акта — все эти задачи под силу только искусной, опытной и тонкой балерине, обладающей не только отточенной техникой, но и развитым художественным вкусом. Вот отчего участие в «Баядерке» было для Россет одним из серьезнейших испытаний.

Светлана Россет в роли Вереники из балета «Египетские ночи».

Справилась ли Светлана с трудной партией? Да, безусловно. Она танцевала легко и красиво, проведя всю партию, что называется, «на одном дыхании». Больше того, она сумела создать на сцене яркий, приковывающий к себе внимание трагический образ, интересный и сильный характер.

Светлана Россет не только не боится, но и любит решать трудные задачи в искусстве. Но в балете, как и в жизни: трудностей не страшится лишь тот, у кого есть не только уверенность в своих силах, но и сами силы, то есть определенные потенциальные возможности, способности, умение. Вряд ли следует рассыпать по поводу Россет разные звонкие эпитеты. Бесспорно одно: в лице Светланы Россет наш театр имеет интересную, яркую и одаренную артистку, воспитанную в традициях академической школы русского балета, обладающую своеобразной пластикой «поющего» тела.

Правда, придирчивый критик может указать и на некоторые недостатки ведущей солистки нашего балета — скажем, на отставание кистей рук во время танца, можно пожелать ей большей легкости и собранности. Тем не менее, мы вправе сказать о Светлане Россет: в нашем театре есть своя балерина. Балерина, выросшая на куйбышевской сцене, создавшая целую галерею волнующих сценических образов и доставившая нам немало чудесных минут.

НАКОНЕЦ, последнее. Куйбышевский театр оперы и балета талантами не скуден. За несколько десятилетий на его сцене выступило множество искусных мастеров танца. И сейчас в его балетной группе мы видим таких одаренных и своеобразных солистов балета, как заслуженные артисты республики Людмила Статкевич, Николай Шеголов, Виктор Сергеев. Но этот очерк посвящен Светлане Россет, и, пожалуй, было бы закономерным, если бы мы сказали в нем и о «творческом почерке» Россет — о том лейтмотиве всего ее творчества, что позволяет нам говорить о ее своеобразии и неповторимой индивидуальности.

На первый взгляд это непосильная задача: слишком много разнохарактерных и разноплановых партий станцевала Светлана за восемь лет работы на сцене. В самом деле, разве похожа легкомысленная, порывистая царевна Будур из «Аладдина» на гордую, устремленную Сари из «Тропы грома»? Или светлая, наивная Жизель на «мудрую», властную Хозяйку медной горы? Казалось бы, невозможно поставить рядом вылепленные Россет образы свобододолюбивой, «земной» Лауренсии с вышедшей из «Легенды о любви» поэтичной Ширин, мужественную девушку-воина Марию из балета «Сломанный меч» — с другой, робкой и нежной Марией из «Бахчисарайского фонтана». И все же...

И все же в любом балете, в любой партии мы узнаем Светлану Россет. Мы узнаем ее по высокому накалу чувств, по предельно насыщенной эмоциональности, по правдивости сценического выражения чистого пламени женской любви. Творчество Россет — это волнующий гимн в честь любящего и страдающего сердца. Он звучит порой печально и скорбно, порой ликующе и звонко, но всегда — искренне и полнозвучно.

Откуда это у нее? От темперамента? Да. От хороших актерских данных? Да. От глубокого понимания образа? Снова — да. Но прежде всего — от самозабвенной преданности искусству, в котором растворилась жизнь солистки балета Светланы Россет.

Э. КОНДРАТОВ.